

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ К 120-летию А. П. Скафтымова

УДК 821.161.1.09 + 929 (Скафтымов + Оксман)

А. П. СКАФТЫМОВ И Ю. Г. ОКСМАН: АНТИНОМИЯ ХАРАКТЕРОВ

Б. Ф. Егоров

Санкт-Петербургский институт истории РАН
E-mail: borfed@mail.ru

В статье предложено контрастное сопоставление двух уникальных деятелей нашей гуманитарной культуры по их научным методам и особенно – по их человеческим характерам. Автор опирается на материалы переписки ученых и широкий круг источников, опубликованных в последние годы.

Ключевые слова: А. П. Скафтымов, Ю. Г. Оксман, история и методология отечественного литературоведения.

A. P. Skaftymov and Yu. G. Oksman: the Antinomy of Characters

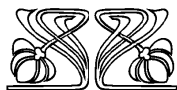
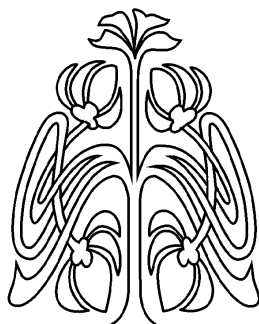
B. F. Egorov

The article offers the contrastive comparison of two figures of humanitarian culture unique in their scientific methods and especially in their personalities and characters. The author relies on the correspondence materials of the two scientists and on a wide circle of sources published in recent years.

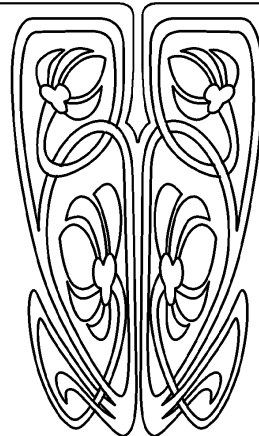
Key words: A. P. Skaftymov, Yu. G. Oksman, history and methodology of Russian literary criticism.

Обилие впервые публикуемых текстов А. П. Скафтымова (его статей, писем, дневников) в течение последних 15 лет, начиная с замечательной публикации А. А. Жук и В. В. Прозоровым переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана¹, и еще более обильное и обширное по хронологии выхода в свет собрание воспоминаний о выдающемся филологе² дают возможность значительно глубже и масштабнее понять научное и педагогическое наследие создателя саратовской филологической школы и его человеческий облик.

Уже появились статьи и предисловия, хорошо трактующие новые материалы (например, несколько работ В. В. Прозорова), и опубликована большая умная и обстоятельная статья В. Ш. Кривоноса «Саратовский пленник»³, специально посвященная переписке А. П. Скафтымова с Ю. Г. Оксманом (далее сокращенно: А. П. и Ю. Г.). Автор впервые ввел в научный оборот некоторые объяснения, например связал идеи А. П. о непростом «фатализме» Толстого и образа Кутузова из «Войны и мира» с «фатальными» чертами скафтымовского характера, точнее – с тайным желанием А. П. преодолевать свой фатализм. Однако не все в статье безукоризненно: например, как-то вскользь освещена «природность» А. П., а главное, В. Ш. Кривонос частное, «юбилейное» настроение А. П. как «пленника», полное грусти и тоски, истолковал расширительно, намекая на социально-политическую обстановку в стране. Не могу с этим согласиться. Конечно, поводов для грусти у А. П. было предостаточно, и социально-политических, и личных, но все-таки он не был «саратовским пленником». Именно Саратов, город добротной культуры, но не столичный, был, пожалуй, самым комфортным для, как сейчас говорят, менталитета А. П. Он никогда не стремился в Москву или в Питер (ведь ученые и педагоги, мечтавшие о столицах, в 1920-х гг. довольно свободно могли сменить город), и вот там-то он оказался

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

бы воистину пленником. В этом отношении он – полная противоположность своему товарищу и корреспонденту Ю. Г.

Темой предлагаемой статьи я и сделал сопоставление по контрасту (получилась как бы своеобразная «плутархова» пара). Сравнить двух уникальных деятелей нашей гуманитарной культуры по их научным методам, и особенно по их человеческим характерам чрезвычайно интересно и полезно.

Оба крупнейших ученых XX в., жили и работали в одно время, оба окончили перед революцией 1917 г. университеты (А. П. – Варшавский, Ю. Г. – Петроградский), увидели и почувствовали, что их будущее – наука (правда, А. П. еще отличался явными педагогическими наклонностями, а Ю. Г. к преподаванию относился прохладно). Разница в пять лет (А. П. родился в 1890, Ю. Г. – в 1895 г.), существенная в молодости, в зрелом возрасте становилась малозаметной. В научном и в учебно-педагогическом плане годы общей работы двух уже не молодых профессоров в Саратовском университете, а затем их творческая и душевная переписка до смерти А. П. в 1968 г. (Ю. Г. скончался спустя два года) в целом демонстрируют совместимость двух сложных человеческих натур, которая укреплялась общностью ряда черт социально-политического мировоззрения (демократизм, нелюбовь к дореволюционному строю в России и решительное отталкивание от сталинского режима, отправившего Ю. Г. и жену А. П. в ГУЛАГ) и, конечно, научных интересов и занятий (оба изучали русскую литературу XIX в.).

Но публикации последних лет по-новому освещают пути двух ученых, раскрывая много противоположностей, ранее не известных или не замечаемых, особенно в сфере человеческой психологии. Научный путь ученых более-менее был известен и ранее. Ю. Г. научно вырос в знаменитом семинаре С. А. Венгерова и глубоко впитал позитивистскую скрупулезность и всеохватность, неослабеваемый интерес к архивным изысканиям. С одной стороны, к университетской школе добавилась раннесоветская марксистская учеба. Это не липовый марксизм сталинской поры, который был совсем не марксизмом, а принципом «чего изволите?», но настоящий «гегельянский» марксизм с преимущественным интересом к изучению социально-политических взглядов писателей и критиков, что, поднимаясь на «верхние» уровни мировоззрения, сильно ослабляло интерес ученого к проблемам художественности и оригинальности исследуемых объектов, хотя и не уничтожило полностью этого интереса.

С другой стороны, А. П., ученик А. М. Евлахова, воспринял от учителя преимущественное внимание к индивидуальности художника, к эстетике и психологии, хотя крайности субъективизма и психологизма отверг, осторожно используя положительные зерна дореволюционного позитивизма и послереволюционного марксизма. Главное в

научных работах А. П. – индивидуальное начало и художественность, а у Ю. Г. они занимают весьма второстепенное место.

Не меньше контрастов и в психологических чертах этих личностей. Ю. Г. – человек громадной и почти всегда взрывной энергии, активности, работоспособности, непоседа, открытый, общительный и созданный для руководящей роли (не в чиновничьем смысле; он всегда, даже с наслаждением возглавлял издательские проекты и коллективы, научные группы, редколлегии серий, журналов, сборников). А. П. точно сформулировал главное в характере Ю. Г.: «Всюду горение кипит и клокочет»⁴. Это из письма к Ю. Г. от 8 августа 1953 г. А в другом письме (от 29 марта 1957 г.): «Ваша отзывчивость простирается на все, и отзывчивость всегда активная, деятельная. Вы около себя не дадите жизни застынуть...»⁵. Сам А. П. отличался спокойным, уравновешенным характером; даже в години катастроф (и общероссийского плана, и личных трагических событий) он мог подавлять внешние формы душевных потрясений, был собран и замкнут. А. П. Медведев, ученик и друг А. П., сказал: «Он мог быть дружелюбным, но был сдержан в проявлении своих чувств»⁶. Но при нарушении установленного этикета взаимоотношений он мог почти «взорваться» (насколько позволяла его интеллигентность). Запомнился эпизод 1958 года. В перерыве заседания во время конференции о Чернышевском А. П. пригласил меня на коридорную прогулку и стал говорить о своем впечатлении от моей книги о Добролюбова-фольклористе⁷, посланной мною ему незадолго до встречи в Саратове. Вдруг подошел Е. Г. Бушканец с раскрытой книгой (не помню какая именно) и попросил А. П. поставить подпись. Вдруг А. П. резко и сурово отрезал: «Вы что, не видите, что я занят?» – и проситель исчез.

Но А. П. был глубоко неправ, передавая активную отзывчивость («не дадите жизни застынуть») лишь Ю. Г. Творческий и благородный характер А. П. как бы магически воздействовал на окружающих, и вокруг него жизнь тоже никогда не застывала. В отношении к руководящим должностям он являлся полной противоположностью Ю. Г.: по натуре был частным человеком, не любил официальных постов. Ему приходилось быть заведующим кафедрой и даже деканом. По природной добросовестности он честно нес административный груз, а его заведование принесло Саратовскому университету заслуженную славу: он создал одну из лучших в мире вузовских кафедр. И не забудем, что именно А. П., будучи заведующим кафедрой, смог настоять, чтобы ректор принял в Саратовский университет Ю. Г., вернувшегося из ГУЛАГа и еще не реабилитированного. Но он постоянно желал свободы. Смерть сына-студента явилась лишь относительным поводом, хотя и сильным толчком к освобождению от должности декана, а когда подступил пенсионный возраст, то А. П. неоднократно просил ректора не

только освободить его от заведования, но и вообще уволить от службы (это удалось осуществить в 1955 г.). Он хотел быть частным лицом! Показательна еще его большая житейская скромность: А. П. никогда не добивался от начальства благ, по праву ему причитающихся, например достойной профессорской квартиры. Он «жил на Камышинской, 111, кв. 8 без телефона, “без никаких удобств”»⁸. А заметная медлительность научного творчества А. П., контрастная по сравнению с качествами Ю. Г., объясняется не только накладками возраста (что тоже было!), но и внутренней сущностью характера: ученый не умел работать наскоро и не терпел суеты.

Желание уйти в отставку совершенно невозможно представить в биографии Ю. Г. (другое дело что власти не очень-то считались с его желанием трудиться и на «казенной» службе). Из-за многосторонности интересов и занятий он как бы раздроблял свою душу: его несколько административных (и руководящих) должностей были относительно автономны, чаще не зависимы друг от друга. (Автономными были и венаучные интересы, но это особая и даже интимная тема, ее не стоит касаться.) В Москве у А. П. сразу образовалось несколько центров, в жизнедеятельности которых он принимал живое участие: академический Институт мировой литературы, редакция «Краткой литературной энциклопедии», редколлегия академической серии «Литературные памятники», редакция «Литературного наследства».

В свою очередь, подобное было бы невозможно в биографии А. П., он был цельной натурой. Преподавание, научная работа, административные должности были объединены Саратовским университетом; работу в педагогическом институте нельзя рассматривать как некое расщепление и двойственность, ведь пединститут фактически был филиалом университета. Впрочем, следует еще учесть связь А. П. с музеем Чернышевского, открытым в Саратове, но эта связь не была интенсивной.

На цельность А. П. большое влияние оказывала его *природность*, видимо, генетическая. Природные, стихийные начала были характерны для него, как характерна и безмерная любовь к природе. Основное времяпрепровождение во время летних каникул – поездка куда-нибудь на пароходе по Волге («Куда? И сами не знаем. Лишь бы плыть. Поплывем, куда подходящий пароход повезет» – из письма к Ю. Г. от 8 мая 1958 г.⁹). А как он любил купаться, как он любил Волгу! Из письма к Ю. Г. от 7 августа 1955 г.: «Наслаждаюсь теплом, солнцем. Купаюсь»¹⁰. В более раннем письме (от 8 августа 1953 г.) еще подробнее и философичнее: «Здесь, когда вернулся, начал купанье. На Саратовском берегу Волги <...> Выкупался с наслаждением. Потом мы с Евграфом <Покусаевым> два раза выезжали на целые дни на тот берег. Там прекрасно. На берегу и в воде одно раздолье и радость бытия <...> Там, и только там

(т. е. в подобном) вся соль жизни. Вы, вероятно, со мною не согласитесь»¹¹. Да, вряд ли Ю. Г. согласился бы (в известных его письмах купанье ни разу не упоминается).

Уютно и свободно чувствовал себя А. П. и на суше: «В годы войны он работал также и в подсобном хозяйстве пединститута, расположенном в заволжской степи, выполняя необходимые сельскохозяйственные и огородные работы. Главной же его обязанностью был уход за лошадьми хозяйства»¹². И еда у А. П. тоже природная: «Едим арбузы, дыни, сливы, яблоки, груши, и т<ому> под<обную> благодать. За обедом окрошка торжествует»¹³ (из письма к Ю. Г. от 8 августа 1953 г.). Невозможно представить, чтобы Ю. Г. в письме подробно перечислял фрукты и овощи, хотя он был вполне плотским человеком и поест (и попить!) любил.

Поразительно, что основной христианский и интеллигентский принцип альтруистической отдачи себя другим людям А. П. обосновывал природно: «Это закон природы»¹⁴. Недаром он так внимательно изучал и так любил творчество самого «природного» русского писателя-классика – Льва Толстого.

Какую-то часть природности А. П. занимала любовь к музыке в самых различных жанрах, начиная с симфоний и опер. (Любопытно, что А. П. недолюбливал балет! Он ему казался неглубоким и не цельным: «Смотрю я на прыгающих и скачущих, и мне всегда их немного жалко»¹⁵ (из письма к Ю. Г. от 26 июня 1958 г.)). Очень любил он свое домашнее пианино: «Если его первой привязанностью была филология, то второй – музыка. Он ее не только глубоко понимал, но и сам прекрасно играл. Но редко кому удавалось слышать его игру. Он играл для себя»¹⁶.

Большое внимание к музыке, наряду с филологией, можно объяснить и уже отмеченной выше целостностью мироощущения А. П. А целостность всегда связана с расширительностью, с охватом смежных, да и не всегда смежных областей интересов и знаний. Характерно, что еще на заре своей педагогической деятельности он «начал брать уроки в консерватории по постановке голоса». А в 1930-х гг., будучи профессором (!), поступил на заочное отделение Ленинградского института инженеров транспорта: «Упорно в течение двух лет выполнял он присылаемые ему задания, решал задачи по высшей математике. В разговоре со мною об этом увлечении он сказал, что занятия математикой дисциплинируют логику, а это полезно для научной работы не только математикам и физикам, но и литературоведам»¹⁷. А что если А. П., тяжело переживая невозможность нормально работать литературоведом в тисках режима, готовил себе «запасной аэродром», подобно математически образованному Б. В. Томашевскому, который в ответ на хамские упрёки в разных «измах» отвечал спокойно: «Не нравится? Пойду к транспортникам читать высшую математику» (он уже читал раньше лекции именно в том

ЛИИЖТе, где А. П. стал студентом-заочником)? Но это только предположение...

Показательно еще расширение и чисто филологических исследований А. П.: почти всегда он возвышал анализ до значительных философских раздумий, вершиной которых можно назвать статью «Образ Кутузова и философия истории в романе Л. Толстого «Война и мир»» (1959), где на том высоком уровне происходит некоторое сближение с методом Ю. Г., весьма далекого от интереса к поэтике и к художественной индивидуальности произведений и их авторов, что так занимало А. П., но совсем не чуждого тяги к крупномасштабным объяснениям социально-политических и философских основ мировоззрения изучаемых писателей и публицистов. Крайности иногда сходятся! И, конечно, всегда были «сходимы» обоюдные человеческие симпатии друг к другу двух великих личностей.

Примечания

- 1 См.: Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана / предисл., сост. и подг. текста А. А. Жук; публикация В. В. Прозорова // *Russian Studies* : ежеквартальник рус. филол. и культуры. СПб., 1995. Т. 1, № 2. С. 255–325.
- 2 См., например: *Медведева А. П.* Школа нравственного воспитания : к 90-летию со дня рождения А. П. Скафтымова // *Волга*. 1980. № 11. С. 167–171.

- 3 См.: *Кривонос В.* Саратовский пленник: заметки об А. П. Скафтымове // *Russian Studies*: ежеквартальник рус. филол. и культуры. СПб., 1998. Т. 2, № 4. С. 526–539.
- 4 Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана. С. 262.
- 5 Там же. С. 273.
- 6 *Медведева А. П.* Указ. соч. С. 169.
- 7 *Егоров Б. А.* Добролюбов – собиратель и исследователь народного творчества Нижегородской губернии. Горький, 1956.
- 8 *Никитина Е.* Умом и сердцем // *Филология* : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1998. Вып. 2. С. 114.
- 9 Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана. С. 276.
- 10 Там же. С. 267.
- 11 Там же. С. 262.
- 12 *Медведева А. П.* Указ. соч. С. 170.
- 13 Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана. С. 262.
- 14 *Медведева А. П.* Указ. соч. С. 169.
- 15 Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана. С. 278.
- 16 *Павловская К.* Страницы воспоминаний // *Филология* : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1998. Вып. 2. С. 128.
- 17 *Медведева А. П.* Указ. соч. С. 169.

УДК821.161.1.09(044)+929 [Скафтымов+Сакулин]

ПИСЬМА А. П. СКАФТЫМОВА К П. Н. САКУЛИНУ

В. В. Темяков

Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», г. Москва
E-mail: vtemyakov@mail.ru

В статье впервые публикуются пять писем (1924–1929 гг.) А. П. Скафтымова литературоведу и академику П. Н. Сакулину.
Ключевые слова: Скафтымов, Сакулин, переписка.

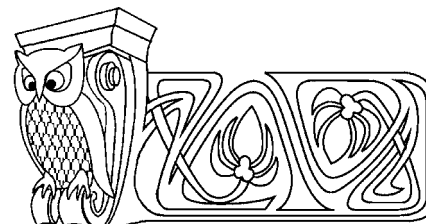
A. P. Skaftymov's Letters to P. N. Sakulin

V. V. Temyakov

In this article five letters (dated 1924–1929) of A. P. Skaftymov to the literary critic and academician P. N. Sakulin are published for the first time.
Key words: Skaftymov, Sakulin, correspondence.

Пять писем А. П. Скафтымова к П. Н. Сакулину хранятся в РГАЛИ в фонде П. Н. Сакулина (Ф. 444. Оп. 1. Ед. хр. 803). Профессор кафедры истории русской литературы и фольклора СГУ Г. Н. Антонова (1933–1997) сделала копии этих писем еще в 1992 г.

П. Н. Сакулин (1868–1930) – филолог, историк литературы, с 1917 г. ординарный профессор Московского университета, в 1921 г.

сменил А. Е. Грузинского на посту председателя Общества любителей российской словесности, с 1929 г. – академик.

В первом десятилетии Советской власти П. Н. Сакулин занимал (после А. В. Луначарского и П. С. Когана) особое место в литературной жизни Москвы. Благодаря своим обширным познаниям, социологическому методу научных исследований и происхождению из народа он получил возможность выступать и быть председателем на многих торжественных заседаниях, посвященных русским классикам, на юбилеях современных писателей и поэтов, был желанным участником на многочисленных литературных диспутах и пользовался уважением даже у имажинистов¹.

Письма А. П. Скафтымова носят деловой характер и охватывают 1924–1929 гг. Скафтымов посылает Сакулину свои статьи и книгу, сопровождая их комментариями, благодарит за «авторитетное внимание» к «замечаниям» о былинах, просит Сакулина прислать его новую книгу.